

18+

```

// do things to change the game state
while (gameaction != ga_nothing)

// ENEMY THINKING
// Enemies are always spawned
// with target player = -1, this
// Most numbers are spawned
// but some can be made pre

switch (gameaction)
{
case ga_loadlevel:
    G_DeLoadLevel (l);
    break;
case ga_newgame:
    G_DeNewGame (l);
    break;
case ga_loadgame:
    G_DeLoadGame (l);
    break;
case ga_savegame:
    G_DeSaveGame (l);
    break;
case ga_playdemo:
    G_DePlayDemo (l);
    break;
case ga_completed:
    G_DeCompleted (l);
    break;
case ga_victory:
    F_StartFinale (l);
    break;
case ga_worlddone:
    G_DeWorldDone (l);
    break;
case ga_screenshot:
    M_ScreenShot (l);
    gameaction = ga_nothing;
    break;
case ga_nothing:
    break;
}

// wake up all monsters in
// if (sec->validcount == validcount)
// 65 sec->soundtrav

for (i=0; i<sec->linecount; i++)
{
    check = sec->lines[i];
    if (! (check->flags & FL_MONSTER))
        continue;

    P_LineOpening (check);

    if (openrange <= 0)
        continue;

    if (sideset check->sidelst)
        other = sideset check->sidelst;
    else
        other = sideset check->sidelst;

    if (check->flags & FL_MONSTER)
    {
        if (soundblocks)
            P_RecursiveSound (check, sec, soundblocks);
        else
            P_RecursiveSound (check, sec);
    }
}

// P_NoiseAlert;
// If a monster yells at a player
// it will alert other monsters

// if (netgame && !netdemo && ! (gametic%ticdup))
// 4 frames > BACKUPTICS

```

Мурич Виктор

Сломать судьбу

Виктор Мурич
Сломать судьбу

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Мурич В. Б.

Сломать судьбу / В. Б. Мурич — «ЛитРес: Самиздат», 2004

В руки Олега странным образом попадает загадочная книга, не имеющая ни автора, ни названия. Она повествует о страшном доме, пожирающем незваных гостей. Не более чем дешевый ужастик с избитым сюжетом... Но проходит всего немного времени, и книга становится его уже написанной судьбой. Олег, зная, что его ждет, пытается изменить ход событий – сломать судьбу.

© Мурич В. Б., 2004

© ЛитРес: Самиздат, 2004

Виктор Мурич

Сломать судьбу

Глава 1.

Двери лифта хищно чавкнули за спиной, смыкаясь словно пасть – порождения ночного кошмара. Невольно вздрагиваю от этого звука, наполняющего и так трясущуюся, как заячий хвост, душу жутким холодом. Револьвер нервно подпрыгнул в руке и уставился на зашитые девственно чистым пластиком двери, за которыми с тихим подвыванием кабинка лифта устремилась вниз, словно вызванная каким-то торопыгой, нетерпеливо раз за разом, нажимающим кнопку. В больших домах всегда так. Сколько бы лифтов не было, их вечно не хватает. Никогда не бывает так, чтобы вы подошли, нажали кнопку и сразу же без промедления распахнулись двери, гостеприимно предлагая вознестись ввысь, либо наоборот низвергнуться в пропасть бездонной шахты, пронизывающей бетонную махину как гигантская артерия. Вечно приходится выжидательно поглядывать на табло, беспристрастно отсчитывающее не то этажи, не то мгновения оставшейся жизни.

Вот и сейчас я, затаив дыхание, смотрю на мельтешение цифр над двухстворчатой дверью. Они, издеваясь надо мной, становятся то больше то меньше, как будто лифт раздумывает, куда же ему все-таки ехать – вверх или вниз. Наконец он определился и неторопливо пополз вниз.

Третий.

Второй.

Первый.

Подвал.

И замер.

Нет не замер – притаился в ожидании, когда беспечная жертва сунется в зеркальное нутро. Он еще не знает, что кроме меня здесь никого нет, а я никогда больше не повторю подобной ошибки. Я быстро учусь и редко спотыкаюсь дважды на одном и том же месте. Наверное, только поэтому еще жив.

Еще раз опасливо глянув на задремавшее табло, засовываю револьвер за широкий ремень потертых джинсов.

Большой холл, обильно утыканный искусственными деревьями в деревянных кадках, окутывает меня фальшивыми джунглями. Неприемлемая смесь хрупких березок и разлапистых карликовых пальм перемеженная еще какой-то неизвестной мне растительностью режет глаз. Дизайнеру руки поотрывать надо за такой интерьер. Надо же додуматься – подружить русскую красавицу с хмуро осунувшейся чужеземкой. Упрятанные в подвесной потолок лампы заливают «джунгли» мягким светом, рождая неясные тени на ковровом покрытии и строгих стенах. Выстроившиеся солдатами на параде черные кожаные кресла замерли у большого панорамного окна, разделяющего меня и черноту. Именно черноту. Иначе не назовешь. Я словно внутри грозовой тучи переполненной темной влагой переливающейся мраком. Кажется, что за стеклом мелькают призрачные лица, скалясь в недобрых усмешках. Надеюсь, что кажется.

Пристально вслушиваясь в тишину, выглядываю в коридор. Частокл закрытых дверей тянется вдоль одной из стен.

Никого. Только лампы угрюмо зыркают чахоточными глазами.

*Облегченно вздохнув, пытаюсь унять нервную дрожь. Я никогда не считал себя слабо-
духим или, что еще хуже трусом, но это место доконало меня. Шелестит под непослушными
пальцами пачка сигарет. Еще раз прислушавшись, чиркаю зажигалкой и горький дым напол-
няет легкие.*

Так, нужно взять себя в руки. Я должен быть в форме, иначе...

Устало опускаюсь в кожаные объятия. Чернота давяще пялится в затылок, напоминая о своем существовании. Ну и пусть пялится. Лучше уж терпеть ее присутствие, чем повернуться спиной к холлу, с тремя точками входа: коридором, лифтом и лестницей, по которой я поднялся. Уверен, стоит лишь на мгновение утратить бдительность, повернуться спиной и тот час же за это придется заплатить. Проверено. В предыдущий раз я отделался глубокой царапиной на шее, до сих пор напоминающей тупой болью об одном из полезных уроков. Сколько же часов назад это было? По привычке бросаю взгляд на циферблат наручных часов. Дрыхнувшая секундная стрелка, осчастливленная моим вниманием быстренько запрыгала с одного деления на другое, наворачтывая часы простоя. Стоит лишь отвести глаза, и она опять окунется в дрему как ленивый подмастерье, который работает лишь когда чувствует на себе испытующий взгляд наставника.

Вытащив из-за пояса револьвер, уже в который раз пересчитываю патроны. Всего четыре свинцовых горбика виднеются в шахтах барабана.

Плохо!

Это слово я повторяю мысленно наверняка уже в сотый раз. Естественно плохо. Чего уж тут хорошего. Четыре пули против бесконечной неизвестности... Как не крути а карты на руках у меня паршивые. Не то, что козырей, даже завалящей десятки нет.

Ковбойским жестом кручу револьвер вокруг указательного пальца правой руки. Рукоять с белыми костяными накладками неловко бьется об основание большого пальца и, в результате оружие чуть было не оказывается на полу. Ругнувшись вполголоса, помещаю блестящего помощника на прежнее место.

Эх, сейчас бы уснуть хоть чуть-чуть. Хоть самую малость, дать отдохнуть измученному телу. Но, увы. Здесь сон равносителен пуле собственноручно пуценной в висок. Процесс может выглядеть по-другому, но результаты без сомнения идентичны. Да и какой может быть сон при дрожащих как тетива только что спущенного лука нервах и бешеном количестве адреналина в крови.

Подкуриваю еще одну сигарету от жгущего пальцы окурка, и точно так же как минуту назад считал патроны, пересчитываю содержимое измятой пачки. И тут четыре. Скупая улыбка превращается в гримасу боли. Вспухшая щека и пара отсутствующих зубов результат еще одного урока. В общем-то не особо большая плата за шанс еще побегать. Морщась, ощупываю языком кровоточащие десны, развороченные как земля после бомбежки. Вот и решилась проблема с нежеланием посетить стоматолога. Во всем плохом всегда можно найти хоть каплю приятного. Горьковата вышла капелька. Конечно, я бы предпочел, чтобы удаление производилось под наркозом и с помощью надлежащего инструмента, а не увесистой урной, но, что есть, то есть. Точнее чего нет, того нет. А если уж быть совсем точным то нет пары зубов и изрядной пряди волос, вырванных с корнями. В качестве компенсации имеется есть бесчисленное количество синяков и царапин, равномерно покрывающих тело причудливыми узорами не то карты, не то китайского манускрипта. Не так уж и много по сравнению с моими спутниками... Бывшими спутниками. Все они либо плохо учились, либо имели на руках карты намного хуже моих. В результате я уже, если судить по внутренним часам, в отличие от наручных они не так врут, уже больше часа сиучусь один. Не могу сказать, что это вселяет надежду на успешный финал. Я даже не знаю, возможен ли этот финал вообще. Не исключено, что этот отдых может оказаться последним. Но в любом случае я должен держаться и пытаться выжить, что, в общем, то и делаю. Точно знаю, если страх сменится

отчаяньем и чувством безысходности – я проиграл. Человек держится на плаву до тех пор, пока верит в спасение. Насколько оно реально роли не играет. Главное верить и надеяться, но не на чудо, горький опыт показывает, что все чудеса это удел сказок, а не реальной жизни, а на себя. Пока я верю...

Верю, что гарантированно переживу четырех противников.

А пятый?..

Вот когда опустеет барабан, тогда и буду о нем думать. Будем решать проблемы по мере их возникновения.

Как бы в противовес моему шаткому оптимизму запрыгали цифры на табло над дверью лифта. Вот так всегда, помянешь черта и он тут как тут, выскакивает как его младший кукольный брат из табакерки.

Несколько раз поглаживаю пальцами веки. Глаза устали и режут как от песка. Это все напряжение и длительное отсутствие сна.

Цифры неумолимо приближаются к пятнадцати. Неимоверно хочется, чтобы лифт проскочил мой этаж и помчался дальше, но, к сожалению желанию не суждено сбыться. Без сомнения он идет за мной и через несколько мгновений выплунет навстречу... не знаю, кто или что это будет на этот раз. С разнообразием здесь проблем нет.

Мысленно готовлю себя к встрече, доставая из-за пояса оружие. Хромированная сталь в руке придает некоторую уверенность, но я знаю, что это иллюзия. Прежде всего, оружие это я а уж потом револьвер. Без меня он ничто, всего лишь машинка, да мощная, да смертоносная, но лишь тогда, когда на курке лежит палец, а твердая рука указывает ему направление. Без моей силы воли, реакции его мощь останется невостребованной или реализуется впустую. Мои спутники с успехом доказали это.

Потный палец касается курка, пожимая руку старого знакомого. Я чувствую каждую царапинку, мельчайшую неровность на истертом металле. Нервные окончания все там, в пальце, придавая сверхчувствительность. Даже сердце на время переместилось туда же и теперь часто трепыхается под ногтем, как рвущаяся из клетки птица. Прищуренные глаза устремлены на вертикальную щель, разделяющую половинки дверей.

– Я жду тебя чертик из поднимающейся табакерки, – кривятся в ухмылке губы.

Пятнадцать!

Створки вздрогнули, и щель между ними начала превращаться из еле заметной ниточки в расширяющуюся пропасть. В туманной глубине плещется огненная лава, норовя гибкими щупальцами расплавленной материи ухватить мельтешащих черных призраков. Они точно стая саранчи наполняют пропасть. Беззвучно хохочущие лица в один миг уставились на меня пустыми глазницами-колодцами с последними каплями живой влаги на каменистом дне.

Глубокий вдох. Револьвер застыл в вытянутой руке. Палец скорчился бегуном на старте, ожидая сигнала.

– Привет, – глянули на меня ангельские глазки под рыжей челкой.

– Привет, – оробев, отвечаю я. – Ты кто?

Маленькая девочка лет восьми шагнула из лифта. Белоснежный накрахмаленный передник поверх стандартной коричневой школьной робы. Стоптаные туфельки на тонких ножках. Топорщатся переплетенные шелковыми лентами тугие поросычьи хвостики.

Револьвер предательски дрогнул, отводя взгляд глубиной в полторы мои ладони. Девочка без интереса посмотрела на оружие и натоместь начала пристально изучать меня. На веснушчатом лице с носом-кнопочкой удивление сменилось любопытством. Так смотрят на кости ископаемых в палеонтологическом музее. Наверняка я выгляжу не намного лучше. Джинсы разорваны на колене и забрызганы красным, выбившаяся из под ремня клетчатая

рубаша лишена части пуговиц, и поверх этого гардероба вспухшая скособоченная морда. Не лицо, а именно морда – многострадальное несчастье напоминающее задницу бабуина страдающую от геморроя и чирей.

– Танечка, – непонятно почему засмузилась девочка и опустила глаза. – Ты бомж?

– Кто?

В ее устах это слово звучит не ругательством, а лаконичным описанием сухопарого мужчины среднего роста с совершенно обычным лицом и блеклой тенью детских мечтаний в глазах застывшего перед ней. Обычно именно это я вижу стоя перед зеркалом. Не могу сказать, что я в восторге от собственного отражения, но радуется, что бывает намного хуже. Хотя, наверное, хуже чем сейчас не бывает, если конечно опять не сравнивать с конкретной частью бабуина.

– Бомж. Мой папа всегда говорит, что эти бомжи его достали. Все лезут и лезут на стройку. Как воши на собаку. А зимой так и совсем спасу нет от них. – Она попыталась сказать это взрослым голосом. Так, как говорит ее отец. Получилось забавно. Я почти улыбнулся.

– Нет, Танечка, я не бомж. А кем твой папа работает?

– Охранником. У него такая красивая одежда. С нашивочками. И еще палка есть. Такая гибкостная и черная. Он ней бомжей выгоняет отсюда. И тебя тоже выгонит.

– Я бы с радостью и сам отсюда выгнал, но как-то пока не получается.

– Ты заблудился?

– Увы, – согласно киваю.

– Пойдем со мной. Я покажу.

Девочка улыбнулась и указала ручкой на все еще открытые двери лифта. Я испуганно дернулся и с опаской покосился на отражающие пустоту зеркала кабинки. Ангельские глазки насмешливо блеснули из под пушистых ресниц. Приливной волной накатила злость. Стоит тут, понимаешь, передо мной какая-то козявка двухвостая, пол вершка от горшка и то в прыжке, и насмехается, а я тридцатилетний мужик с здоровенным пистолетом не решаюсь войти в лифт. Стою с дрожащими коленками и сам себе страшилки рассказываю. Хуже запуганного суеверной бабкой сельского пацаненка. Ну, чего тут спрашивается бояться? Безобидного лифта – обычного атрибута любой многоэтажки, или может этой малышки? Глупости. Представляю, что сейчас девочка думает: дядя зайчишка-трусишка боится, что лифт ему ногу откусит... Откусит? Вжик-вжик... Это кажется таким знакомым. Вжик-вжик. Приглушенный дверями крик становится все тише и тише по мере удаления кабинки... а на полу растекается темная клякса из отсеченной выше колена полной женской ноги в ажурном чулке и туфле лодочке... Яна! Секретарша Евгения Семеновича. Мы даже глазом не успели моргнуть, как все-таки убедившая нас, что на лифте будет быстрее, Яна оказалась в железных сомкнувшихся челюстях. Лифт проглотил ее в один миг и как крокодил потащил в пучину нижних этажей, чтобы там неторопливо переварить.

Я уже готов сделать шаг вперед, но вовремя останавливаюсь. Жалобный крик Яны вынырнув из памяти встряхивает наподобие электрошока. Чувства того страшного мгновения овладевают мной в полную силу. Что я делаю? В своем ли уме? Неужели насмешливый взгляд девочки способен толкнуть меня на столь опрометчивый шаг?

– Нет. Не пойду.

– А почему ты такой перепуганный? Папу боишься? Да? Не бойся, – она снова улыбнулась, показывая редкие зубы, – он добрый. Пойдем. – Я отрицательно завертел головой и покрепче сжал рукоять револьвера как спасительный оберег. – Ты как испуганный щеночек. Сердитый и испуганный.

– Собака бывает кусачей... – напел я, пристально глядя на девочку. – Ты ведь знаешь продолжение этой песенки из мультфильма бременские музыканты? Ты не можешь ее не знать.

На переносицу поползла первая тревожная капля пота.

– Знаю-знаю. Я тебя раз его видела. А у тебя есть собака? – обрадовалась девочка моему утвердительному кивку и захлопала в ладоши. – А как ее зовут?

– Джульбарс. Как собаку Элли в волшебнике изумрудного города. Папа наверняка тебе читал эту книжку. Не мог не читать. Все папы читают эту книжку своим детям.

Я улыбнулся, стараясь не показывать боли пронзившей вспухшую часть лица.

– Конечно, читал, – кивнула девочка, и тугие косички потешно задержались из стороны в сторону. – Мне Джульбарс очень понравился...

Револьвер тяжело дернулся в руке. Эхо от выстрела затанцевало по холлу. Профессиональными плакальщицами колыхнулись березки. Пальмы пригнули пышные кроны, словно придавленные смертью невинного дитя. Забрызганные кровью двери лифта разочарованно сомкнулись, и кабинка пошла вниз. Крокодил уныло пополз в логово, лишившись уже почти шагнувшего в пасть ужина.

– Его звали Тотошка, – говорю, опустив дымящийся пистолет. – Запомни на будущее.

Переступив через ту, что еще секунду назад была моей собеседницей, я покидаю холл.

Перед тем как отправиться по коридору оборачиваюсь и бросаю беглый взгляд на труп. Все-таки сомнения присутствуют. Мне не хочется признаваться себе в этом, но так оно и есть. Она была так убедительна и наивна... Обычной девочке могли не читать "Волшебника изумрудного города", она могла не знать, что собака бывает кусачей только от жизни собачей, все это вполне допустимо и являлось лишь дополнением к основному факту, убедившему меня, что она не человек. Никогда ни одна нормальная девчонка не оденет школьную форму в начале августа, когда до учебного года остается целый месяц.

Над телом без лица, пуля вошла в щеку чуть выше губ, за клубилось облачко дыма похожего на сигаретный. Был бы я верующим, то решил бы, что это душа покидает тело и устремляется в чистилище. Завертевшись маленьким смерчем облако трансформировалось в старушечье призрачное лицо с пустыми глазницами. Беззвучно зашевелились тонкие губы, заколыхалась грива волос, и лицо неспешно поплыло к окну. Сквозь его черты свободно просматриваются березки и пальмы такие же неживые как и лицо. Искривившись напоследок в гримасе ненависти лицо растворилось в клубящейся черноте. На этот раз я точно уверен, что его там встречали подобные лики. Значить не казалось. Когда я перевел взгляд на место где лежало тело, там оказался лишь холмик серой трухи, отдаленно напоминающий контуры тела.

Облегченно вытираю капельки пота со лба и забрасываю новую сигарету в угол рта. Все-таки не ошибся. Внутри меня все наполняется ликованием. Сладкое слово – победа. Еще один маленький триумф и короткая передышка. Они обычно не нападают сворой. Между посещениями до сих пор всегда были затишья. Только сейчас до меня доходит их назначение. Естественно никто не предоставлял нам отдыха после побед, нас обрекали на атаку собственного воображения. Когда находишься в действии: стреляешь, спасаешься бегством, выбираешься из ловушки, все мысли рациональны и направлены на решение конкретной проблемы, до всего остального просто нет дела. А вот после такой встряски, на отдыхе просыпается воображение подстегнутое страхом, и ты уже за каждой дверью видишь смерть, ожидаешь чего-то такого... У каждого человека свой набор страхов, упрятанных глубоко-глубоко и дремлющих до поры до времени. Часто мы сами явно не осознаем всех залежей этой черной жижи накопившейся за прожитые годы. Она собирается по каплям. Детские страхи. Первые пугающие персонажи услышанных на ночь сказок. Телевидение, обильно скармливающее жаждущим чего-то такого страшенького – монстров и сумасшедших убийц с бензопилами. Книги,

ничуть не отстающие от своего визуального брата. Что ни страница то кровь и насилие, подлость и ложь. Да и сама жизнь этому способствует – нельзя не бояться толпы обкуренных тинейджеров со стеклянными розочками в руках, застывших живой цепью поперек дороги. И вот именно в момент расслабления мы подвергаемся атаке изнутри, по сути, разрушая сами себя. Стоит лишь чуть-чуть поддаться, прогнуться под натиском поднимающихся из глубин армий ужаса и тебе конец. Сережка, высокий мускулистый парень с беспечным лицом, замечательно держался. Благодаря нему нас не сожрало некоторое подобие паука величиной с корову, обрушившееся из под стеклянного купола. Он среагировал первым и уложил зверюгу в полуметре от нас. Окаменелые от страха мы пялились на мохнатое тело с длинными суставчатыми лапами у наших ног. Потом он вытаскивал Настену из липкой ловушки. В общем, вел себя как настоящий герой. Я по сравнению с ним чувствовал себя запуганным до нервного тика ребенком. Наступил первый отдых. Нам дали небольшую передышку и Сережка сорвался. Не разобравшись с перепугу он бабахнул из дробовика в открывшуюся в комнату дверь и убил нашего шефа – Евгения Семеновича. Увидев, что он натворил Серега с бешенными глазами выскочил из комнаты и с нечленораздельным воплем побегал по коридору. Через некоторое время мы наткнулись на его обескровленный труп. Его выпили до последней капли. Высосали, как мы высасываем молочный коктейль через соломинку. На его лице застыла маска безумного ужаса. Думаю, что на момент смерти он уже не был человеком, скорее куклой управляемой поднявшимся из глубин сознания ужасом. Страх захватил бразды правления его разумом и телом, превратив в кролика бегавшего от воображаемых монстров. Это тоже был урок. Урок для тех, кто еще был жив.

Пристально осматривая пол, потолок и стены иду по кажущемуся бесконечным коридору. Ковролин глушит шаги, превращая в мышинный шорох. Редкий лес дверей-близнецов искающе стелется по правой стене. Колеблюсь между желанием открыть хотя бы одну из них и соображениями безопасности. Кто знает, что может оказаться там? Но в то же время я должен хоть что-то делать, кроме как спасаться. Мысль о том, чтобы выбраться, давно заброшена в пыльный угол. Бесполезно. Эта домина не собирается отпускать меня. Я как беспризорный котенок по глупости попавший на школьный двор во время перемен. Меня то подкармливают вкусной котлетой, то привязывают к хвосту консервную банку, пугающую жутким грохотом, а то и просто бесцеремонно пинают ногой под ребра. Пинают не из злости, скорее просто так, ради развлечения. Котенку остается лишь дожидаться звонка, когда галдящая толпа ринется за парты. Вот только будет ли у меня звонок, я не знаю. Иногда кажется, что дом чего-то от меня хочет. Он словно подталкивает меня к принятию какого-то решения. Довольно неуклюже направляет меня в нужное русло. Возможно, что я до сих пор жив лишь благодаря его прихоти, а не собственным способностям. Если бы он пожелал, то я давно бы уже присоединился к спутникам. А вообще все эти гипотезы сплошная глупость. Не более чем мусор, лишенный практической пользы, за исключением того, что загружает мозги и не оставляет им времени на обсасывание подробностей вероятной смерти и разгул воспоминаний. Я бы предпочел забыть о том, что здесь произошло, но боюсь, что это невозможно. Четыре смерти так просто из памяти не вычеркнешь.

Выбираю дверь наугад и медленно нажимаю на ручку, словно к ней привязан детонатор бомбы. Как знать, как знать.

Сквозь щель заглядываю в комнату, держа пистолет наготове. Типичный кабинет начальника средней руки. Недорогая итальянская мебель под вишню, абстрактный рисунок на видимом участке стены, современная люстра излучает мягкий свет. Глянув вдоль коридора, проскальзываю в комнату и тихо прикрываю за собой дверь. Взгляд бежит по обстановке в поисках потенциальных источников опасности. Я ожидаю чего угодно даже от выгнувшегося подковой стола. Чем он хуже прожорливого лифта или стреляющего скобами степлера.

Осмотр ничего не дает. Самая что ни на есть обычная комната. В современных муравейниках таких безликих кабинетов тысячи. Отличаются только номера на дверях. Этот кабинет мог готовиться для адвоката или торговца недвижимостью.

За окном клубится чернота. Изучающе поглядывают сквозь пелену невидимые глаза. Они следят за каждым моим движением, оценивают его по каким-то своим критериям, как бы проверяя на профпригодность. Под этим невидимым натиском чувствуешь себя лабораторной крысой на которую сквозь прутья решетки пялятся мастиные умы, отрываясь лишь для того, чтобы подискусировать а выживет ли наша крыска-Лариска или загнетса, как и все прочие. Мерзкое ощущение.

За спиной раздался еле слышный вздох, и по комнате неспешно прокатилась волна теплого воздуха. Запахло едой. Как будто на миг распахнулась невидимая дверь на кухню и оттуда, в мои трепещущие ноздри ринулись все эти аппетитные запахи. Резко оборачиваясь, одновременно падая на колено и вскидывая револьвер. Я чуть не нажал курок, но вовремя остановился.

Могу поклясться, что этого столика здесь не было. Он еще подрагивает, не до конца погасив энергию движения. Фальшиво скрипнуло несмазанное колесо. Обычно на таких столиках с колесиками развозят заказы по номерам в гостинице. На прикрытой белоснежной салфеткой столешнице блестящий поднос с крышкой.

Запах пищи кружит голову как молодое вино. Сколько я уже не ел? Десять, двадцать часов? А может несколько дней? Не сводя глаз с подноса, подхожу к столику. Рука ложится на крышку. Теплая. Рывком поднимаю крышку и отпрыгиваю сторону. Я ждал, что от туда обязательно кто-нибудь выпрыгнет но вместо этого...

– Ох! Твою мать! – вырывается из меня одновременно с потоком рвоты.

Со звоном крышка падает на поднос, пряча от моих остекленевших глаз блюдо. Ноги подкашиваются, и я безвольно оседаю на пол. Пальцы разжимаются, и револьвер как рыба выскальзывает из руки, ныряя в озеро рвоты. В голове точно самым выдуло все мысли, осталась одна яркая, насыщенная цветом картинка: на серебряном подносе лежит украшенная зеленью и фигурно нарезанными овощами улыбающаяся голова Евгения Семеновича. Глаза за толстыми линзами хамелеонов с интересом смотрят на пучок укропа торчащий во рту. И запах... Потрясающий запах свежеприготовленной пищи, вызывающий штурм желудочного сока, гибнущий на скалах отвращения... Одновременно желаемое и омерзительное...

Я не в силах поднять глаза. Не хочу этого больше видеть.

Труп нашего шефа мы оставили в просторной курилке на втором этаже. Тогда нам было не до него. Все бросились искать ополоумевшего Серегу. Когда поиски завершились, мы, сами не зная зачем, вернулись в курилку и обнаружили, что труп исчез. Единственным напоминанием о нелепом убийстве служили лишь ошпы от дробы на гладкой стене. Даже крови не было.

Но зачем это все? Зачем делать такое? Я мысленно раз за разом задаю себе эти вопросы, так и не оторвав глаза от пола.

Нет, так нельзя. Я не должен терять самоконтроль. Ну голова, ну отрезанная, ну украшенная зеленью... И что из этого? Вреда мне от нее никакого. Она не бежит, не прыгает, не кусается. Тьфу! Тьфу! Тьфу! Мне еще этого только не хватало! Тогда к чему все эти ахи вздохи? Все-таки странное существо человек. Всего несколько минут назад я пристрелил девочку, а перед ней увертывался от покрытого остатками гнилой плоти скелета. Это он мне урной в щеку запустил, стоматолог долбаный. А до скелета был липкий пол и опускающаяся на голову люстра с хрустальными клыками, по которым скользил дряблый язык. Я боялся. Боялся каждый раз, чуть ли не до помокрения штанов. Страх это естественная защита от сумасшествия. Сердце то замирало, то бросалось в пляску с бешеным ритмом. Но при всем этом я ни разу не терял голову, и не вел себя так как сейчас.

Вынимаю из лужи револьвер и брезгливо вытираю его свисающим со столика краем салфетки. Встав на ноги, поднимаю глаза, чтобы в очередной раз доказать себе, что способен на... на... А какая черт возьми разница на что!? Просто способен! Это уже что-то.

Крышка поднимается, и я от изумления открываю рот. Неужели мне все померещилось? Мираж! Но я же точно видел, что на подносе была голова. Даже запомнил, что морковка была нарезана звездочкой, а листики салата имели форму бутафорских елочек. Провожу рукой по глазам, желая стряхнуть туман колдовства, но ничего не меняется. На серебряном подносе стоит покрытая желтой смазкой банка армейской тушонки, а рядом с ней лежат консервный нож и вилка.

Кусочек сыра для лабораторной крыски за успехи в труде.

Ну, сыр так сыр. Я не гордый но голодный.

Жесть тонко скрипнула под лезвием, и на руку выдавился белый завиток жира.

– Спасибо за хлеб насыщенный, – насмешливо говорю в потолок. – Премного благодарен, – и отправляю в рот большой кусок мяса. Желудок ликует и играет бравурный марш, встречая плывущего в окружении жирка долгожданного гостя.

Ответа я не жду. Дом не из разговорчивых. Большие дела, меньшие слов.

Происходящее напоминает фильм ужасов, с забытым названием. Я не любитель подобного жанра, поэтому просмотрел всего небольшой кусочек. Там наивные ребята вот точно так же как и мы пытались выжить в борьбе с кровозадным домом. Забавное совпадение. Может и мы всего лишь актеры на гигантской съемочной площадке бестселлера "Дом ужасов" или "Проклятый дом", а тусклые лики за стеклом это операторы, режиссеры и прочая киношная шушара, восхищенно прищелкивающая языками, от остроты сюжета.

Тяжесть в животе благоприятно действует на настроение. Вот только спать хочется еще сильнее. А почему бы и нет? Забаррикадировать тяжелым шкафом дверь и завалившись в мягкое кресло вздремнуть пару часиков, а потом уже с новыми силами двигаться дальше. Идея такая соблазнительная, что я готов немедленно воплотить ее в жизнь.

Двухстворчатый шкаф с неохотой заскользил по полу к дверям. Для уверенности подпираю его коренастой тумбочкой. Отступив на пару шагов, рассматриваю импровизированную баррикаду. Не бог весть что, но какая никакая, а защита. Вот только боюсь, что пользы от нее не много будет. До сих пор остается загадкой появление столика с подносом в комнате. Ну не из воздуха же он материализовался. Раз появился он, значит таким же образом может объявиться и кто-то менее безобидный. Да чего я так завожусь? Все равно всех опасностей не предусмотреть. Не отдохну сейчас – рано или поздно подведет измученное тело. Все, хватит терзать себя параноидальными догадками. Спать, спать, спать. Утро вечера мудренее.

Тело блаженно окунается в объятия глубокого кресла. Ноет и гудит каждая мышца, каждое сухожилие. Противно зудят многочисленные царапины и ушибы. Но это не страшно, я уже весь в предвкушении объятий Морфея. Хоть на немного нырнуть в мир снов, более нормальный чем окружающий меня кошмар. Затылок касается вогнутого подголовника, и как по сигналу ползут вниз отяжелевшие веки. Испещренные вздутыми венами руки обвивают деревянные подлокотники. Злобно скалятся гротескные рожи за стеклом, но мне на них глубоко наплевать. Сейчас нет ничего более важного чем сон – сладкий наркотик, наполняющий меня покоем и умиротворением.

Теплый ветер несущий глубокий запах степных трав мягким язычком поглаживает лицо. Где-то высоко-высоко, в ноздреватых облаках, лениво ползущих по бирюзовому небу, надывается в очередном аккорде невидимая птица. Ласкается о рваную штанину высокая трава.

Я стою на опушке старого леса. Справа, до самого горизонта тянется степь. Где-то там, далеко-далеко она сливается с небом. Кажется, что все тучки стремятся именно туда, чтобы коснуться невесомыми перистыми ногами земли, и беззаботно пробежаться по ней, окунуться в травяное море, мирно колышущееся под присмотром ветра. Наверняка им, обреченным на вечный полет хочется ощутить твердь точно так же, как нам взвиться в воздух.

Невесомая рука легла на плечо. Невольно вздрагиваю.

– Здравствуй Олежик, – звонким колокольчиком переливается знакомый голос.

– Здравствуй Настена.

Словно сошедшая со страниц восточных сказок девушка удивительной красоты нежно смотрит на меня черными угольками раскосых глаз. Ветер играет свободным платьем, и все норовит приподнять подол.

– Ты не рад? – звучит огорчение в ее голосе.

– Рад! Конечно рад, – я восхищенно ласкаю глазами чеканное лицо с высокими скулами. На Настену нельзя смотреть иначе, если ты мужчина. Хрупкая уроженка бескрайних степей, ранее принадлежавшим кочевникам, способна свести с ума одним взглядом. Ради такого взгляда вспарывались доспехи на турнирах. О нем пели менестрели, сравнивая с кубком вина, и писали в предсмертных записках.

– Ты неважно выглядишь.

– Да, есть немного. После того, как вы ... э-э-э... ну ты понимаешь, мне было не сладко.

– Я знаю Олежик.

– Откуда? – у меня округлились глаза. – Ты ведь...

– Умерла, – она с легкостью произнесла неподвластное слово.

– Да, – киваю, не переставая удивляться встрече.

– Я все чувствую. Ты молодец.

– Молодец? – скептически переспрашиваю. – Мерси за комплиман, но я молодцу даже до ширилки не достаю. Могу использоваться разве что для поддержания...

– Опять гадости, – сердито кольнули глаза. – Неужели нельзя без них?

– Можно, – опускаю голову. Настена не переносит пошлости и грубости. Я совсем об этом забыл. Обычно мы в ее присутствии всегда становились пай-мальчиками общающимися исключительно на литературном диалекте. Даже неисправимый материшинник Серега и тот, затыкался при ее появлении, или жутко краснел, когда был застукан на горячем. – Так все же почему я молодец? За что такой почетный титул?

– За девочку. Я боялась, что ты согласишься ей. Евгений Семенович был уверен в этом...

– И он здесь? – перебиваю недовольно нахмурившуюся Настену.

– Мы все здесь, – поникли уголки чувственных губ. – Нас здесь много... Тысячи таких же как и мы.

– Но как это может быть?

Девушка пожала плечами:

– Мы не знаем. Я пришла к тебе, чтобы предупредить. Бойся тех, кто за окном. – В миндалинах глаз холодно блеснул страх. – Они хитрые и способны на многое.

– Не может быть, – хмыкаю в ответ. – Там же все такие добрые и пушистые. Так и норовят, кто в щечку чмокнуть, – тыкаю пальцем на вспухшее лицо, – кто по головке поглаживать, – наклоняю голову, чтобы ей было видно изрядную проплешину над ухом.

– Все это мелочи, по сравнению с тем, что у тебя впереди.

– Мелочи? – задохнулся я от возмущения. Я уже собираюсь в расширенном виде объяснить что я думаю об этих мелочах, но, наткнувшись на полный тревоги взгляд осекаюсь. – Что?

– Ты должен вернуться, – затрепетала былинкой на ветру девушка. – Немедленно. Оно убьет твоё тело, если не вернешься.

– Кто оно? – передалась мне ее тревога.

– Кресло!

Настена двумя руками толкнула меня в грудь.

– Что ты делаешь? – закричал я.

Под ногами зазмеилась трещина, расталкивая в стороны массы земли. Миг, и трещина превратилась в бездонную прорву с утробно стонущим ветром. Он подхватил меня мозолистой рукой и изо всех сил швырнул вниз. Падая, вижу застывшее на фоне по-прежнему неторопливо плывущих к горизонту туч лицо Настены, измененное до неузнаваемости маской страха.

– Бойся их, – пробивается сквозь гул ветра ее голос.

Ребра трещат, словно я стянутая железными обручами бочка. Катастрофически не хватает воздуха в стиснутой груди. Пытаюсь вдохнуть, но тело отказывается признавать мою власть. Наоборот, жалкие остатки воздуха выдавливаются из меня как зубная паста из тюбика.

Открываю глаза.

Кресло! Как кокон оно окутывает меня липкой кожей усеянной мириадами крошечных присосочек. Поручни выгнулись кривыми лапами и прижали меня к спинке, не давая возможности шелохнуться. Я дергаюсь из стороны в сторону пытаясь освободиться но все тщетно. Кожа все сильнее и сильнее обтягивает тело. Присоски отыскивают открытые участки тела, проникают сквозь дыры в одежде и намертво прихватываются к моей коже, превращая нас в единый организм. Свободными остались лишь судорожно мотыляющие ноги и лицо. Все остальное во власти кожаного оборотня. Шевельнулся и пополз вверх подголовник. Липким языком он опускается на лицо, скрывая от меня мир. Я чувствую, как присоски превращаясь в иглы, проникают в мое тело и тянут жизненные соки, как дерево поглощает корнями из земли влагу. Силы уходят вместе с кровью. Окружающая оболочка пульсирует, перекачивая в себя мое содержимое. Я готов прекратить бесплодные попытки освободиться и отдаться в становящиеся приятными объятия врага. По телу разливается томная дрема. Хочется забыть все и окунуться в маняще колышущийся океан наслаждений. Беззвучным шепотом он сулит невиданные наслаждения. Как бы подтверждая правдивость слов, меня пронзает невиданной силы оргазм. Он проникает в каждую клетку и заставляет ее извиваться в экстазе. Водоворотом затягивает в пучину блаженства и там, раз за разом одаряет ни с чем несравнимым кайфом.

– Не-е-ет, – словно взрывается что-то внутри меня, освобождая от иллюзий. Эта тварь убивает меня, давая взамен наслаждения. Я не хочу сдохнуть захлебываясь наслаждением и отдавая кровь.

Изо всех сил бью свободными по колено ногами о стол. Кресло отшатывается назад, стучается спинкой о стену и тут же пружинит обратно, что позволяет мне подняться вместе с ним на ноги. Я совершенно ничего не вижу. Спасает только то, что я приблизительно помню расстановку мебели в комнате.

Я как жуткий горбун, обернутый в черную монашескую рясу. Таща шестиногую ношу на спине, кручусь на месте, пытаюсь найти способ избавиться от навязчивого гостя.

Кресло шепчет и успокаивает. Ласкает как умелая шлюха, уговаривающая остаться еще на чуть-чуть, чтобы опустошить мой бумажник.

Мелко семеня ногами разгоняюсь в направлении застекленного шкафа. Только бы не ошибиться, второго шанса у меня уже не будет, и так ноги шевелятся как не живые. Мне только кажется, что я бегу, на самом деле плечусь, скребя носками о пол.

Удар. Звон стекла и протяжный стон эхом прокатившийся по телу. Не удержавшись, заваливаемся на бок и падаем на пол. Кокон вянет, сдувается, теряя силу. Я кручусь, рас-

ишряя жизненное пространство. С каждым усилием кокон поддается, уступая миллиметры свободы. Он неохотно сдает свои позиции и даже пытается сопротивляться. Теперь это не шлюха, а подвыпивший моряк нетвердо стоящий на ногах, способный разве что угрожать. Тело жгут раскаленные плети. Мозг рвут картины страшных казней, обещанных мне. Хрустят шейные позвонки от рывка грубой веревки, стонут распятые на крестах, бьются в агонии на электрическом стуле. С грохотом распадаются холмы черепов за оградой лагеря смерти. Ветер играет в пустых глазницах, наполняя мою голову пронзительным визгом шотландских волюнок. Это хроника смертей придуманных человечеством. Могильными червями пытается пробраться страх. Это уже даже не сопротивление, а агония. Агония зверя осознавшего, что проиграл и пища оказалась сильнее него, но, тем не менее, пытающегося взять ее на испуг. Рывок и с хрустом отламываются поручни все еще удерживающие руки. Еще рывок и с подбадривающим криком я вырываюсь из объятий. До конца еще не поняв что и как откатываюсь в сторону и, не вставая с пола, всаживаю пулю прямо в тянувшийся ко мне липким языком подголовник. Дернулись хромированные ноги, и кресло затихло.

Держась за край стола, поднимаюсь на ноги. Вокруг все плывет в красном тумане. Беззвучно гогочут тени в черноте. Они приникли к стеклу, расквасив крючковатые носы, и наслаждаются моей слабостью. Пусть ржгут. Все равно я опять победил и в барабане еще два патрона. Настена говорила, что они опасны, но как-то слабо в это верить. Трудно бояться того, кого даже толком рассмотреть не удастся, стоит лишь попытаться сфокусировать зрение, как тут же лики тускнеют и сливаются с окружающей чернотой.

С трудом удается соблюдать равновесие, но все же я делаю шаг в сторону оборотня, чтобы рассмотреть. Палец на курке готов среагировать на малейшее движение и уменьшить количество зарядов до одного, а в случае надобности и до нуля. Вот тебе Олег еще один урок – запоминай все и всегда. Если бы не мысль о застекленном с верху донизу шкафе я бы уже превратился в пустую оболочку, содрогающуюся в экстазе.

Куски стекла в двух местах распорол обивку кресла, обнажив жилистую плоть, покрытую красной слизью и пронизанной белыми жилами. От трупа, если его можно так назвать пошел дурной запах, напомнивший посещение бойни в середине летнего дня в прошлом году. До сих пор помню, как ржал подвозивший меня в деревню к родителям шофер, глядя на меловое лицо попутчика. Приспичило ему тогда заехать с кумом поздороваться, а в результате я впечатленный увиденным еле добрал до родительской калитки.

– Чтобы меня удовлетворить, нужно десять таких шлюх как ты, – шепотом говорю я и опускаюсь на пол. – Только шкурку попортила, – осматриваю усыпанную точками как после больничных уколов кожу.

Увлекившись созерцанием новых узоров на теле, я чуть не пропустил момент, когда из разреза в спинке кресла просочился дым и завертелся над полом. Из водоворота зыркнули красные глаза и туманный сгусток поплыл к окну. Кровожадный оборотень незаметно превратился в обычное кресло. Никаких ран или языков. Из-под распоротой кожи выглядывает белая набивка.

Два патрона, две сигареты. Закуриваю. Пальцы легонько подрагивают, роняя пепел на колени, но в остальном я спокоен.

В мутной голове раз за разом прокручивается сон. Настена, дающая мне наставления, странники-тучи и запах степи приносимый теплым ветром. Теперь я понимаю, что это был сон, всего лишь мираж, построенный издерганным сознанием. Я даже не задаю себе вопросов что, как и почему, ведь все равно ответам взяться неоткуда, а домыслы скорее вредны, чем полезны. Гадать и прикидывать можно в привычном окружении, когда из водопроводного крана течет вода, а не кислота и писсуар не пытается отхватить тебе чего-нибудь. Здесь свои законы, жестокие и непонятные. Можно конечно стать посреди комнаты, и вслух орать

накопившиеся вопросы, но думаю, что это лишь привлечет ко мне ненужное внимание. Дом точно ничего не скажет, а те, за стеклом тоже на разговорчивых не тянут.

Интересно, я никогда не жил текущим мигом. Всегда, как и любой другой человек строил далеко идущие планы, пытался предугадать, что будет дальше, готовился к каким-то событиям. Все это забыто. Здесь нет будущего. Есть только здесь и сейчас. Я даже не уверен, есть ли за дверью, через которую я попал в эту комнату коридор. Да, конечно на тот момент времени он был, но верно ли это утверждение сейчас я сказать не могу. Когда я снова ее открою, он может оказаться на месте, но это не значит, что он был там все время. Здесь и сейчас. Два коротких слова определяют политику моей жизни. Никаких планов и прогнозов. Я хожу просто так, от нежелания сидеть на одном месте. Когда нападают – защищаюсь или спасаюсь бегством. Вот и вся жизнь. О противнике я обычно начинаю думать лишь тогда, когда его вижу. Наверняка все мои уроки сплошная глупость. Дом никогда и ничего не делает дважды. Повторений не бывает.

Мне все время хочется спросить себя живой ли он, или это машина. Вопрос бессмысленный, так как я даже не уверен, что это дом. Хоть по роду профессии мне положено разбираться, архитектор все таки, но, увы... Я могу лишь пожать плечами в ответ себе. Ну вот, опять занимаюсь глупостями, пытаюсь распутать клубок, даже не зная где начало, а где конец.

Ну что ж, наступил момент разобрать баррикаду, открыть дверь и проверить там ли еще коридор или нет.

Беззвучно отворившаяся дверь выпустила меня из комнаты. Коридор оказался на месте и уставился на меня бесконечной вереницей одинаковых дверей. Могильная тишина зависла в воздухе густым туманом. Мрачная такая тишина, словно предупреждающая – жди беды. Не смотря на отсутствие явной опасности, вытаскиваю из-за пояса револьвер. Два патрона это мизер, но в любом случае это лучше чем ничего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.